

ДАТ АНАЛИЗ

20 ЛЕТ НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ЭКОНОМИКА. ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

Мы продолжаем серию публикаций, посвященных итогам 20-летнего существования независимого Казахстана, результатам бессменного правления нынешнего режима.

Продолжение. Начало в предыдущем номере

Раньше ели больше

Президент страны в озвученном на днях очередном Послании народу Казахстана заявил о том, что повышение уровня жизни благосостояния населения является главной задачей предстоящего десятилетия. Впрочем, идея не нова, так как эта норма заложена в нашем Основном законе, и по существу это даже не задача, а обязанность действующей власти перед своим народом. Вышестоящие чины постоянно жонглируют цифрами о том, что из года в год доходы граждан растут. Однако всегда забывают упомянуть, насколько за это время увеличились цены на продукты питания, не проводят сравнения, чего и сколько способен был купить человек на свою зарплату двадцать лет назад и может приобрести в настоящее время.

Почему правительство, рисуя красивую картину нашего бытия, никогда не говорит, что реально затраты на еду у среднестатистического казахстанца сегодня составляют 80 процентов прожиточного минимума. Верхушка власти не признает экспертные оценки и расчеты независимых правительственных организаций, прикрываясь официальной статистикой о том, что якобы продовольственная часть продуктовой корзины составляет 60 процентов. Эта цифра больше радует их глаз и воображение, так как это все ближе к установленным мировым стандартам, согласно которым при формировании потребительской корзины затраты на продукты питания не должны превышать 40 процентов от прожиточного минимума.

Если на протяжении 20 лет в этой части у нас, согласно доводам властей, наблюдается позитивная динамика, тогда почему в советское время стоимость продовольственной части составляла 37 процентов, однако ассортимент и объем был гораздо больше, а сейчас вроде 60 процентов, а состав корзины гораздо меньше и постнее.

Так, в структуре прожиточного минимума доля расходов на приобретение мяса и рыбы сейчас занимает 20%, а два десятилетия назад норматив потребления казахстанской корзины по мясу составлял 77,5 процентов, молочных, масложировых изделий сейчас 16,3%, а на заре независимости норма потребления была 50 процентов. Сравнения можно продолжать и дальше, при этом картина будет вырисовываться не в пользу современной продуктовой корзины и прожиточного минимума.

Гонки цен по вертикали

Для действующего режима принять оценки независимых экспертов – значит признать несостоятельность всей проводимой властью политики. Хотя, пожалуй, учитывая нынешние реалии и тот ценовой беспредел, который творится на продуктовых рынках, уже никому и ничего не надо доказывать. «Продуктовое достояние республики» за 20 лет более чем наглядное свидетельство профанирующей и безответственной политики власти.

Чтобы не быть голословными, приведем лишь некоторые цифры. В целом ценовая доступность почти половины продуктовых товаров уменьшилась, и это надо признать. Но, по основным жизненно важным продуктам в Казахстане наблюдается уменьшение показателя доступности. Это – картофель, мука высшего сорта, масло сливочное, говядина, свинина, молоко, макароны, хлеб, рыба мороженая. Каждый из этих продуктов входит в любую продуктовую корзину мира.

Хлеб и картофель сегодня основная пища большинства граждан страны. Наша республика, обладая статусом одного из мировых лидеров по производству зерна и муки, за 20 лет существенно снизила свои позиции по доступности этих продуктов. Так, если в 1990 году на среднюю зарплату можно

было купить 606 кг муки высшего сорта, то в 2010 году только 425 кг муки. Для сравнения: в России за это время стало возможным покупать муки больше на 354 кг.

Существенно уменьшилась доступность такого жизненно важного продукта, как мясо. Доступность к покупке говядины уменьшилась на 24,8 процентов, свинины – на 45,1 процентов, масла сливочного – на 16,5 процентов, а молока на 52,4 процента. Аналогичным образом ситуация сложилась в отношении свежей капусты и мороженой рыбы. Если в 1990 году капусты на зарплату можно было купить 1010 кг., то сейчас – 722,5 кг., рыбы приобрести 606 кг., то в данное время всего 96 кг..

Зато, если в 1990 году на среднемесячную зарплату можно было купить 16,6 литра водки, то в 2010 году – уже более 160 литров. Как видим, доступность алкогольных напитков в Казахстане за 20 лет увеличилась более чем на 867 процентов. Хорошо это или плохо? Рост производства, рабочие места, доходы бюджетов – это все сторона одной медали. Но есть и другая – напиться и забыться. Сейчас это как никогда становится актуальным. Конечно, в правительстве с гордо поднятой головой рапортуют о том, что потребление алкоголя в стране снизилось, однако при этом умалчивают о том, что розничная торговля Казахстана в текущем году столкнулась со смещением покупательских предпочтений в сторону увеличения потребления продовольственных товаров первой необходимости при одновременном снижении покупок непродовольственных товаров.

Из продуктов, которые для казахстанцев стали более доступными, можно отметить лук репчатый, яйца, птицу, яблоки, растительное масло, сахар, чай, рис. Однако россияне этих продуктов на среднемесячную зарплату покупают гораздо больше. Если, например, в Казахстане могут приобрести 850 кг лука, то в России уже 1055 кг, сахара наши могут приобрести наполовину меньше, чем у северного соседа.

А если учесть, что продукты в Казахстане продолжают стремительно дорожать, а уровень доходов за ними не поспевает, то надо полагать, что тенденция уменьшения доступности продуктов питания будет иметь дальнейшее развитие.

На правах падчерицы

На правах бедной падчерицы в Казахстане по-прежнему остается аграрная отрасль. Имея один из наиболее высоких показателей душевой обеспеченности пахотными угодьями, власть за 20 лет независимости «достигла» того, что доля аграрного сектора в ВВП за это время в Казахстане сократилась более чем в шесть раз и в настоящее время 43 процента сельского населения формирует только около 5% ВВП.

Объем производства продукции растениеводства за годы «реформ» снизился почти на треть, животноводства – более чем наполовину. В настоящее время правительство сообщило о разработке очередной программы по поддержке и развитию животноводства в республике. При этом была выдана очередная «диверсификационная фенечка». Было заявлено о блестящих перспективах Казахстана по экспорту мяса. И это на фоне проблемы дефицита мяса на внутреннем рынке. Как выясняется, каждый третий килограмм мяса, продаваемый в Казахстане, прибыл из-за рубежа. Мало того, в качестве основных покупателей рассматриваются российские компании, правительство которых объявило о курсе на достижение самообеспечения продуктами питания, в том числе мясными.

В настоящее время аграрный сектор страны представлен раздробленной, насчитывающей несколько сотен тысяч хозяйств, структурой. Это тоже итог 20-летней аграрной политики действующей власти. В Казахстане зарегистрировано более 200 тысяч сельхозформирований. Около 160 тысяч имеют пахотную землю. Из них 153,4 тысячи – это крестьянские и фермерские хозяйства, остальные – сельхозпредприятия. Последних насчитывается чуть более 5 тысяч. Однако они формируют свыше 60% урожая.

Сегодня на сельское хозяйство приходится 0,9% иностранных инвестиций. В прошлом году они составили 1 326 тыс. долларов. По 25% из них приходится на Костанайскую, Акмолинскую область, 17% – на Северо-Казахстанскую, 8,3% – на Алматинскую области и всего 0,6% на Жамбылскую область, которая также активно занимается сельским хозяйством. Этого катастрофически мало для развития сельского хозяйства.

В то же время ситуация усугубляется тенденцией большого оттока иностранных инвестиций из этой отрасли. Иностранные инвесторы уходят только тогда, когда не видят перспектив. Следовательно, вопрос по инвестициям в сельское хозяйство нужно рассматривать уже с иной точки зрения: так ли привлекательно будущее аграрного сектора?

В настоящее время отсутствие иностранных инвестиций подменяется государственными вливаниями. По официальным данным, ежегодно финансирование села в Казахстане увеличивается на 10 млрд тенге. Инвестиции в сельское хозяйство со стороны государства растут, однако экономика на селе так и не смогла подняться с колен. Достаточно вспомнить позапрошлый год, как чиновники дружно рапортовали о сборе рекордного урожая зерновых, который в бункерном весе составил 22,7 млн тонн. Надо отметить, что урожай далеко не рекордный.

Так, в начале 1990 годов, в течение двух лет казахские аграрии добивались рекордного урожая для нашей республики. В один год валовой сбор составил 32 млн тонн зерна, в другой – 34 млн.

Если обратиться к статистике 1990 года, то в республике действовали государственные хранилища и элеваторы общей мощностью на 24 млн тонн. К этой цифре следует добавить 10 млн тонн токового хозяйства. То есть страна могла в общей сложности одновременно сушить и хранить 34 млн тонн зерна. Объем хранилищ в Казахстане в настоящее время составляет всего 14 млн тонн.

Если, как заверяет власть, мы все годы развивали имеющийся потенциал, то тогда почему возможности наших элеваторов сократились почти в 2,5 раза? Может ли правительство ответить, сколько за 20 лет в стране было построено современных элеваторов и зернохранилищ? Где реальная сельскохозяйственная инфраструктура Казахстана?

Больше вопросов, чем ответов, вызывают правительственные аплодисменты в отношении роста урожайности зерновых. Если в Западной Европе с гектара собирается 50–60, иногда доходит и до 70 центнеров, то у нас с трудом – 13–15 центнеров с гектара.

Правительственная амнезия

Может быть, правительство страны объяснит, как получилось так, что задачи, которые ставились перед страной двадцать лет назад, опять приобрели свою актуальность в настоящее время. Мы до этого занимались диверсификацией отраслей экономики и повышением их эффективности. Где их результат? О каком технологическом прорыве идет речь?

«Стратегия индустриально-инновационного развития» и «Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных государств мира», кластерные проекты и проект «Социально-предпринимательские корпорации», теперь очередной проект правительства «Форсированное индустриально-инновационное развитие», проще говоря, ФИИР. А где же результат реализации предыдущих госпрограмм? Регрессивный характер технологического сдвига в экономике Казахстана очевиден.

Почти десять лет правительство нас заверяло, что к 2010 году на базе экспортно-ориентированного блока, то есть нефти, газа, металлургии, нефтехимии и химии, сформирует индустриальный комплекс страны. Мало того, он должен был стать конкурентоспособным на внутреннем и внешнем рынках. Также нам обещали снижение тарифов на услуги транспортного комплекса ввиду того, что на его технологическое обновление было выделено немало средств. Увы, но простой потребитель так и не дотянулся до «райских кущей».

Видимо, правительство уже настолько запуталось в хаосе принятых программ по диверсификации, модернизации, индустриализации, кластеризации, инновации и т.д., что забыло даже о том, что планировало еще года три-четыре назад.

Так, например, в настоящее время доля обрабатывающей промышленности в течение последних лет составляла около 10–11 процентов к ВВП. Согласно нынешним озвучиваемым цифрам, планируется, что ее доля должна будет доведена к 2015 году «не менее 12,5 процентов», а к 2020 году – «не менее 13 процентов». Только вот чуть более трех лет назад кабмин Масимова собирался уже к 2015 году достичь уровня в 15,4% к ВВП.

А вот еще очередной факт амнезии правительства. На сегодня ВВП страны составляет более 100 млрд долларов. К 2020 году планируется довести его до 300 млрд долларов. Только вот какой же цифре верить, не понятно, так как в 2007 году говорилось о том, что этой цифры республика достигнет уже к 2015 году с предполагаемым ежегодным ростом экономики в среднем не менее 10%.

Эйфория несбыточных надежд

Насколько вообще реалистична мечта правительства по инвестированию в ближайшие пять лет в сырьевой сектор 20 млрд долларов? Ведь планируется, что основным источником финансирования

станут прямые иностранные инвестиции. Однако для зарубежных инвесторов этот сектор экономики в силу его низкой рентабельности и платежеспособного спроса нерентабелен. И статистика в этом отношении более чем красноречива. Так, в 2009 году приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страну составил 13 млрд долларов, снизившись на 19,9 процентов по сравнению с 2008 годом. При этом в несырьевые секторы было привлечено всего 1,6 млрд долларов. В 2010 году ПИИ было привлечено почти 21 млрд долларов, однако из них только 13 процентов пришлось на обрабатывающую промышленность. В основном это производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов, металлургическая промышленность и производство готовых металлических изделий. На сельское хозяйство приходится 0,9 процентов иностранных инвестиций, они составили 1 326 тыс. долларов.

В общей сложности за годы суверенитета в Казахстан было привлечено более 118 млрд иностранных инвестиций. Объем привлекаемых иностранных инвестиций на душу населения в Казахстане составляет 1230 долларов США.

Только за последние 5 лет котировки на нефть, основной статьи доходов казахстанской экономики, выросли в 10–15 раз, на цветные металлы в 3–8 раз, тем не менее, инвестиционная стратегия страны оказалась провальной, так как не смогла ответить нуждам реального сектора экономики, мало того, усугубила сырьевую зависимость страны. И шансов у действующего режима выправить ситуацию все меньше.

Пройдена ли точка «невозврата» и есть ли возможность выправить ситуацию нынешними методами, – вопрос, на который односложно нельзя ответить. Одно можно сказать точно, что, несмотря на принятую программу, об индустриальности казахской экономики нельзя будет говорить до тех пор, пока власть будет решать проблемы только за счет повышения значения сырьевого сектора.

Обещанная верховной властью на протяжении двух десятилетий диверсификация экономики пока что выражается в добыче углеводородов и нездоровых темпах поглощения внешних кредитов, из-за которых внешний долг Казахстана превысил годовой показатель ВВП страны.

Надо отметить, что в целом анализ участия иностранного капитала в экономике Казахстана, в первую очередь в привлекательных для иностранных инвесторов отраслях, характеризуется на сегодняшний день следующими цифрами. На рынке телекоммуникаций доля казахстанского участия составляет 59 процентов, США – 15 процентов, участников офшорных зон – 26 процентов. На рынке цемента доля казахстанского участия составляет 25,4 процентов, Германии – 32,2 процентов, Италии – 19 процентов, Малайзии – 16 процентов, России – 6,8 процентов.

Доля местного участия в системообразующей отрасли экономики – нефтяной – составляет всего 46 процентов, а иностранцев 54 процента.

При этом иностранцы стараются всячески избегать статьи капитальных вложений в модернизацию основных фондов для перехода к следующей переработке и повышения конкурентоспособности. Их больше устраивает вывоз сырья, поддержка же проектов по его переработке на территории Казахстана в их экономические интересы не входит. Например, у гиганта отечественной медной промышленности корпорации «Казахмыс» производственные фонды изношены на 40–50 процентов, однако китайский кредит в размере 2,7 млрд долларов они вложили не в создание новых переделов, а в добычу сырья с последующим его экспортом в Китай. И после этого мы закупаем у Китая сплавы, несложные в изготовлении металлические изделия!

Подобные условия привлечения зарубежного капитала в экономику страны наше правительство на протяжении предыдущих 20 лет и предстоящих 10 лет устраивает. Иначе как можно объяснить то, что за все время в стране не было построено и в обозримой перспективе не предусматривается строительство нового современного нефтеперерабатывающего завода? Вместо этого за счет заемных средств и повышения стоимости нефтепереработки собираются модернизировать имеющиеся НПЗ. Механизма трансформации доходов от нефтедобычи в развитие несырьевых отраслей как не было, так и нет.

Увы, но за 20 лет экономической политики действующей системы мы пришли к тому, что иностранный сектор становится доминирующим фактором казахского формирования и развития. Итог весьма настораживающий, так как сложилась ситуация, когда экономика Казахстана находится в своеобразной «точке бифуркации», то есть вопрос может стать таким образом, когда придется решать, какой же сектор – иностранный или отечественный – будет в дальнейшем определять судьбу страны или, по крайней мере, некоторых ее отраслей? Если выиграет зарубежный капитал, то,

думаем, не надо объяснять то, что многие отраслевые ниши впоследствии могут стать плацдармом для завоевания смежных и новых рынков.

Это лишь небольшие итоги инвестиционной и модернизационной составляющей казахской экономики за последние два десятилетия. Об инновационной и говорить стыдно. Так, по данным Агентства РК по статистике, количество инновационно активных предприятий в Казахстане за 2007–2008 годы снизилось на 1/6 и составило 4 процента от общего количества участников рынка. По данным Государственной программы развития науки РК на 2007–2012 годы, сегодня уровень затрат на науку составляет лишь 0,26 процентов от ВВП. Причем на опытно-конструкторские разработки в Казахстане выделяется только 8 процентов всех научных денег. Тогда как, к примеру, Южная Корея к 2012 году, планируя войти в пятерку стран с самой развитой наукой и техникой, увеличивает объем затрат только на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки до 3,5 процентов ВВП. Однако наша власть громко заявила о том, что в стране реализуются десятками индустриально-инновационные проекты. Видимо, у нее за время ее правления сложилось собственное понимание о содержании инноваций в отличие от мирового понимания и практики.

Регионы просят огня

За двадцать лет так и не реализована региональная политика, направленная на выравнивание условий и повышения уровня их развития. Неравномерность отраслевого размещения иностранных инвестиций – на сегодня «ахиллесова пята» всей инвестиционной политики Казахстана.

За 20 лет привлечения иностранных инвестиций в экономику Казахстана негативная тенденция диспропорции развития регионов только усугубляется. Как отмечалось ранее, большая часть инвестиций (78%) приходится на нефтегазовый сектор, на развитые регионы Казахстана. Инвестиции направляются в Атыраускую (46%), Мангистаускую (31%), Актюбинскую (8%), Кызылординскую (13%) области в нефтегазовый сектор.

Низким остается приток капитала в области добычи цветных, черных металлов, угля, металлургии. Только пятая часть из общего объема инвестиций в сырьевой сектор инвестируется на добычу и переработку цветной и черной металлургии, а именно в ВКО (23%) и Карагандинскую область (47%), Семь процентов инвестируется в угольную промышленность – в Павлодарскую (38%) и Карагандинскую (46%) области.

Ситуация с привлечением зарубежного капитала в аграрный сектор и того хуже. В областях, занимающихся сельским хозяйством (Костанайская, Северо-Казахстанская, Жамбылская, Алматинская), доля инвестиций чрезмерно мала. Итог более чем плачевен – низкий уровень развития регионов и затруднение реализации их потенциалов для формирования конкурентоспособных производств.

Чуть более 13% иностранных инвестиций приходится на обрабатывающую промышленность. Средства, инвестируемые иностранцами в обрабатывающую промышленность, в основном были направлены в Павлодарскую (38%), ВКО (29%), Карагандинскую (33%) области. Но этого для реально конкурентоспособного производства катастрофически мало. Необходимо развивать промышленность и в других регионах Казахстана.

Инвестиционные средства, направленные на модернизацию транспортной сферы, а это 3% от всего объема ПИИ, тем не менее, не решают проблему охвата территории Казахстана автомобильными и железными дорогами. При этом прогнозные оценки экспертов о том, что к 2012 году торговый оборот между Европой и Азией, возможно, составит около 1 трлн долларов, могут остаться только прогнозом в силу того, что транзитный автодорожный коридор Западная Европа – Западный Китай может остаться только национальным проектом Казахстана и Китая. Увы, но, как известно, северный сосед в лице России по существу к строительству своего участка транснациональной магистрали еще не приступал.

Наверное, не надо разъяснять, с какими трудностями и перекосами сопряжена неравномерность регионального размещения капитала в стране. На сегодня он преимущественно дислоцируется в Атырауской (39%), Мангистауской (24%), Актюбинской (6%) и Кызылординской (8%) областях вследствие размещения в этих регионах объектов нефтегазового сектора. Если рассмотреть второй сегмент экономики, в который стремятся вложиться иностранцы, так это добыча и переработка цветной и черной металлургии, угля. В них направлено 22% из общего объема инвестиций в сырьевом секторе. Среди регионов в данном случае преобладают ВКО (5%), Карагандинская (12%), Павлодарская (6%) области. Доля иностранных инвестиций в остальные регионы очень мала.

Казалось бы, программа форсированного индустриально-инновационного развития должна способствовать привлечению инвестиций в регионы, испытывающие дефицит инвестиций, однако, как показывает анализ в разрезе регионов, наибольшее количество инвестиций будет вложено в Актюбинскую область – 32 проекта на сумму 376 млрд тенге, ВКО – 28 на 239 млрд тенге, Павлодар – 24 на 194 млрд, Караганду – 20 проектов на 100 млрд тенге. То есть проблема региональных различий по прошествии 20 лет получит свое продолжение.

На старых дрожжах

По официальной статистике, последние несколько лет износ средств производства в целом по стране колеблется на уровне 40%, а в отдельных отраслях (энергетике, железнодорожном транспорте, сельском хозяйстве) он достигает 70%. В настоящее время по этой причине замерзли три города в Казахстане – Семей, Приозерск и Курчатов.

Сегодня мы уже являемся свидетелями того, что в обрабатывающей промышленности произошло снижение объемов производства на 4,5%, экспорт казахстанской продукции сократился почти на 40%. В общем объеме выпуска производственной продукции доля машиностроения за 20 лет «успешной» экономической политики не превышает 3%, химической промышленности – 1%.

Да, конечно, нельзя отрицать того, что экономика страны почти 10 лет бурно развивалась, и соответствующий рост имел свои результаты. Да, был определенный подъем промышленности, огромный рост капитализации казахских компаний, усиление финансовой системы, быстрый рост доходов граждан. Однако кризис остановил продолжительную фазу роста. Если страна имела, как заверяет правительство, тенденцию устойчивого развития, то такой обвал экономики во время кризиса – это разве объективное следствие?

Наше правительство постоянно ссылается на опыт юго-восточных стран в лице Малайзии, Сингапура, Южной Кореи. При этом не видит, что происходит «под собственным носом». Если Казахстан был одной из самых «продвинутых» стран СНГ по точкам экономического роста, тогда почему после 2008 года, года мирового финансового кризиса, наш уровень ВВП не достиг 1,5 процента, а в соседнем Узбекистане правительство добилось более 8 процентов роста, а в Азербайджане – 9,3 процентов?

Очевидно то, что торможение казахской экономики было неизбежным. Действующая экономическая модель себя исчерпала.

Это очередные «итоги» 20 лет успешного правления верховной власти страны.

Артур САДВАКАСОВ

Продолжение следует